

Владимир ГУГА

Владимир Гуга родился в 1972 году в Москве. Закончил музыкальное училище им. С.С. Прокофьева и Литературный институт им. А.М. Горького. Публикации в журналах «Урал», «Дружба народов», «Этажи», «Luterrатура», «Формаслов» и др. В «Волге» публиковались рассказы (2021, № 11-12; 2023, № 7-8).

РАССКАЗЫ

Женщина-праздник

В экскурсионных автобусах нашей компании завелась очень странная, настораживающая туристка. Известно, что она умудряется внедряться в разные группы, регистрируясь под чужим именем и фамилией. Более того, она прикидывается не обычной пассажиркой, а именинницей, получая дармовые аплодисменты и незаконный подарок от компании. Каким-то немыслимым образом она узнает, у какой экскурсантки день рождения, сообщает ей, что поездка отменяется, и как-то получает скан социальной карты своей жертвы, по которому и проходит регистрацию. Фантастика! Технически – это архисложная авантюра. Но результат её – ничтожен: бесплатная экскурсия и коробка конфет. Вот и вся пожива! Мои коллеги гиды замечали, что одна и та же тётя катается под разными фамилиями, но, находясь в замешательстве от такой приткой наглости, якобы терялись. Хорошо хоть кое-кто успел сфотографировать авантюристку. И на том спасибо.

Я видел её снимки. Вот она радостно улыбается, обняв круглую подарочную упаковку, обозначенная Галиной Ивановной Сурдиной. Через неделю она уже – Коцюс Элеонора Альфредовна, а потом Филиппова Венера Герасимовна. И везде – одно и то же лукавое вытянутое личико с неизменной рыжей стрижкой, в маленьких очёчках на остром носу, с растянутой чуть ли не от уха до уха тонкогубой счастливой улыбочкой. Про себя я назвал воровку чужих дней рождения – «Женщина-праздник».

И никто не мог пресечь выходки этой странной нарушительницы. Гиды объясняли свою нерасторопность всегда одним и тем же: она умеет убеждать в своей липовой идентичности очень уверенно, непосредственно и спокойно.

«Ну уж со мной этот номер не пройдёт, – пообещал я себе, узнав, что лазутчица в очередной раз проникла на борт, на сей раз прикинувшись Абрамян Наринэ Тиграновной. – Уж я-то тебя точно схвачу за жабры».

Больше всего меня интересовал вопрос, как она получает сведения об именинницах. «Может быть, у неё крот в государственных органах, через которые бабушки приглашаются на экскурсии, – предполагал я. – Но это же просто немыслимо! Организованная шпионская сеть ради получения коробки конфет и экскурсии? Бред».

Пару месяцев мысль о странной пенсионерке не оставляла меня в покое. Я то и дело рассматривал её фотографии, предвкушая неизбежную встречу: «Вот только попадись мне. Уж я тебе устрою».

И она попалась. Мы встретились на длинном маршруте Москва – Коломна.

«Место двадцать семь, – сообщил я своей напарнице. – Женщина-праздник. Попробую накрыть её на санитарной остановке».

Коллега кивнула, моментально узнав рыжую фальшивку.

В тот раз женщина-праздник попала на борт как Лидия Патрикеева, 61 год. Выглядела лжетуристка немного моложе указанных лет, совпадая с категорией весёлой ранней осени.

Санитарную остановку сделали около АЗС «Магистраль», оснащённой туалетом и закусочной. Подобных станций на обочине скоростного шоссе, по которому мы

двигались, – немало. Некоторые экскурсантки сразу направились к павильону с фастфудом, другие столпили около автобуса. Я зрительно вцепился в Патрикееву. Она оживлённо беседовала сразу с тремя бабушками. Старушки слушали её, похихатывая. Харизматичная авантюристка умела очаровывать публику.

Я приступил к охоте. Бочком, бочком, следя за нахалкой периферийным зрением, я продвигался к своей цели. Но чем ближе я к ней приближался, тем глубже она внедрялась в старушечью гущу.

Мне просто хотелось с ней поговорить, хотелось понять, зачем она занимается такой ерундой, разобраться, что она за человек. Но Патрикеева очень ловко от меня отдалялась, словно черепаха от Ахиллеса.

Не выдержав охотничьего напряжения, я двинул к Патрикеевой решительным полицейским шагом. Она ловко скрылась за бензоколонкой. И тут же из-под стоящей у другой колонки фуры выскочило что-то огненно-красное и молниеносно шмыгнуло в кусты.

– Лиса! – прокудахтала бабушка из категории восемьдесят плюс, одна из тех, кого мы стараемся на всякий сажать поближе к местам экскурсоводов.

Вся наша экскурсионная группа застыла, наблюдая за бегством огненного зверя. Лиса, мотая огромным пушистым хвостом с белым кончиком, рванула в лесные заросли, вдоль которых тянулась трасса. Перед тем как скрыться в пыльной зелени, она повернула свою острую морду и насмешливо улыбнулась.

Спустя пару дней мошенница снова оказалась на борту одного из наших автобусов. На сей раз как Сайнетдинова Гульнара Хусейновна.

Срок годности

После инсульта Лев Петрович не узнает свою жену, Марию Валерьевну. Точнее, он воспринимает её другим человеком – некой сиделкой Верой Сергеевной. Лев Петрович придумал себе добрую, глуповатую и очень заботливую помощницу-болтушку – хрестоматийную нянечку.

Если не считать этого странного заскока, он ничем не отличается от себя прежнего, доинсультного, оставаясь типовым пенсионером с богатым научно-преподавательским прошлым.

Родного брата, племянника, двоюродных внуков и внучек, коллег, однокурсников Лев Петрович принимает теми, кем они есть. Даже одноклассникам осталось местечко в его внутреннем мире. Только Маша оказалась полностью удалена из памяти Льва Петровича.

Каждый божий день он поёт «Вере Сергеевне» одну и ту же печальную песню – вспоминает жену. В мельчайших подробностях он описывает сцену знакомства с ней, состоявшуюся более полувека назад. Из всех сил пытается донести до «сиделки», как ему тяжело и одиноко без Маши.

– Не успел я, – признается Лев Петрович, – сказать ей самое главное. Всё откладывал на потом. И дооткладывался.

– А что же вы, Лев Петрович, – спрашивает «сиделка», – не успели сказать своей Маше?

– О-о-о-о-о! – загадочно улыбается Лев Петрович. – Разве в двух словах это передать? Да и существуют ли такие слова?

Далее он делает многозначительную паузу, поудобнее устраивается в кресле и начинает откровенничать.

– Знаете, когда я первый раз увидел её...

И тут Лев Петрович погружается в удивительный, фантастический мир, о существовании которого Мария Валерьевна не подозревала...

– Вы даже представить себе не можете, Вера Сергеевна, – вздыхает Лев Петрович, какой Маша была умной и красивой.

– Была? – уточняет Мария Валерьевна. – В смысле, в молодости была красивой?

Лев Петрович кисло хмурится и машет на собеседницу рукой, словно перед ним не опытная якобы сиделка, а молодая дурёха из органов социальной защиты.

– Говорю же вам, – недовольно скрипит он, – моя Маша – красавица без возраста. Женщина, знающая свои достоинства, остаётся привлекательной до самых последних дней своих. Даже в гробу Машенька выглядела ослепительно.

Так и говорит: «Ослепительно... В гробу...»

Заветную таблетку Мария Валерьевна держит в старинной бабушкиной шкатулке. А шкатулку в глубине антресолей. Выписывая чудодейственное средство, доктор, лысый верзила-очкарик с носом до подбородка, сообщил:

– Это – единственный и последний шанс вернуть его в настоящую реальность. Он вас глубоко и надежно похоронил, Мария Валерьевна. Однако медицина тоже не бессильна. Только учтите, что срок действия препарата – ограничен. Через месяц он потеряет свои уникальные свойства. Не упустите момент! Вам просто надо растолочь таблетку и высыпать порошок в суп или в чай Льва Петровича. Делов-то! И эта пустяковая операция воскресит вас.

Каждый день Лев Петрович кается.

– Я очень виноват перед своей дорогой Машей, – признаётся он.

– В чём же вы виноваты? – спрашивает «сиделка». – Такой замечательный порядочный человек. И вдруг...

– Нет! Нет! – перебивает Лев Петрович. – Я – очень виноват. Если бы я мог ей во всём признаться и рассказать, как она мне дорога! Но, увы, уже поздно. Возможно, когда-нибудь, Вера Сергеевна, я всё вам открою. Вы – замечательный человек, добрый и отзывчивый. Но пока я ещё не готов сказать главное... Просто послушайте, если вам не в тягость о том, какой Маша была чудесной.

И Лев Петрович опять погружается в воспоминания.

Конечно, он преувеличивает. «Покойная» Маша – плод его инсультной фантазии. Она – искусственно созданный идеал. Но, слушая Лёву, настоящая Маша отчасти узнает себя, словно видит собственное отражение в сильно кривом зеркале. Это странное зеркало искажает по-особому, делая человека гораздо красивее, чем он есть на самом деле.

Вспоминая жену, Лев Петрович периодически прикладывает платок к своим морщинам, по которым словно по пересохшим марсианским руслам бегут жалкие ручейки – остатки некогда полноводных рек.

Во время исповедей Льва Петровича Мария Валерьевна поглядывает на шкатулку. Драгоценная чудо-таблетка на вид ничем не отличается от обычной аскорбинки. Но для её приобретения пришлось продать трёхкомнатную квартиру. Срок годности лекарства стремительно приближается к концу. Конечно, она не должна терять время: мало ли что? Ведь и её неожиданно может «тюкнуть», как Лёву – возраст всё-таки, да и здоровье – не ахти. Но она всё откладывает и откладывает: «Завтра, завтра, ещё немножко, ещё послушаю. Вдруг он расскажет, в чём виноват? Хотя даже если не расскажет, всё равно, чуть-чуть потяну. Главное не прозевать указанную на упаковке дату, главное не прозевать, не пропустить...».

Директ-маркетинг

«Дорогая Марья Ивановна, – читал вслух мой текст Альберт Николаевич, директор по маркетингу. – Меня зовут Даша, мне девятнадцать лет. Вас, конечно, удивляет, что вам пишет совершенно незнакомая девушка. Но я очень прошу вас дочитать это письмо до

конца. Дело в том, что я приехала поступать в московский вуз и недобрала двух баллов. Возвращаться в свой посёлок я не могу – отец жутко пьёт, а мама гуляет. Жить мне там негде и не на что. Кроме меня в доме – три сестры и два брата. Мать так и сказала: «Лучше не возвращайся – прибыю!» С большим трудом мне удалось устроиться на работу. Платят мало, но, слава богу, на еду и койку в общежитии хватает. Сейчас у меня – испытательный срок. Если я не наберу нужного количества баллов по продажам, меня выгонят с работы. А для того чтобы получить эти баллы, мне надо продать ровно семьдесят наборов кастрюль из прекрасной нержавеющей стали, производство Германия, и пятьдесят наборов японских самозатачивающихся ножей. Марья Ивановна, очень прошу вас, помогите мне! Закажите набор кастрюль или набор ножей, иначе я очутюсь на улице. Купон заказа вложен в конверт».

Альберт Николаевич сдвинул свои очки-капельки на кончик носа и строго на меня посмотрел:

– Что это?

– Письмо для рассылки, как вы просили, – робко ответил я.

– Почему, Марья Ивановна два раза? У нас тираж этого письма – тридцать тысяч. Мы что, будем в каждое письмо по два раза Марью Ивановну, Зину Николаевну, Елену, блядь, Карловну вписывать? Тридцать тысяч умножаем на два, получается шестьдесят тысяч персонализаций письма. Ты взбрел?

– Ну...

– И потом, я не верю ни единому твоему слову. «Очутюсь» – только хорошо получилось.

Директор по маркетингу выскочил из-за стола, сложил руки за спиной и принялся нарезать круги по кабинету. Костюмчик на нём сидел как родной.

– Марья Ивановна должна поверить, что хоть кому-то в этом мире нужна. Даше, Паше, Наташе, Хуяше... Хоть кому-нибудь! Ты знаешь, что некоторые старухи заводят по двадцать кошек, нах? По двадцать чёртовых кошек! А то и по тридцать! А некоторые даже этого себе позволить не могут. Они держат в своих пыльных комнатках игрушечных, бля, мишек, обезьянок, тигриков. И разговаривают с ними. Ты врубись, они дают имена игрушкам и фарфоровым фигуркам. И вдруг, где-то на другом конце света, появляется Даша! Встречаются два одиночества, разделённые десятком тысяч километров. Врубаешься? Включи свою искренность, если ты вообще понимаешь, что обозначает это слово. У тебя хоть капля человечности есть?

– Есть, – мямлю я.

– На жопе шерсть, – обрубает Альберт Николаевич. – Пойми, нужно, чтобы ей написал живой человек. ЖИ-ВОЙ!

Последнее слово директор чеканит, разделяя его по слогам.

Я возвращаюсь на своё рабочее место, открываю Word и некоторое время туплю, глядя на белое, ничем пока ещё не испоганенное поле.

«Дорогая Марья Ивановна...», – простучал я и остановился.

«Пишет вам обыкновенный мудила сорока трех лет, без прошлого и будущего...»

Неожиданно меня понесло. Пальцы будто сами запрыгали по клавишам.

«Жизнь моя сложилась так, что я в полном расцвете сил вынужден заниматься абсолютно беспросветной поеботиной. Вы уж меня простите за такое слово, но в моём случае иного и не подберёшь. Просрал я свою жизнь, короче говоря. Или почти просрал. Еще раз простите... И если меня нынче выгонят с работы, мне придётся спиться. Другого выхода нет. Сейчас я побеседовал со своим директором по маркетингу. Он – страшная гнида. Если надо, по трупам пойдёт. В общем, он требует от меня, чтобы... Впрочем, об этом чуть позже. Вы даже не представляете, Марья Ивановна, как мне порой херово на душе. И причин тому очень много. Вот, вы живёте среди игрушечных зверей, а я живу среди зверей настоящих – хищных и кровожадных. Хотя что уж там говорить, я сам тоже хорош...»

Мои пальцы запрыгали ещё быстрее. По щекам покатили тяжёлые слёзы.

«Выслушайте меня, Марья Ивановна, пожалуйста. Больше обратиться мне не к кому. Я просто хочу хоть с кем-то поговорить искренне. Ну, начну, пожалуй, от печки. Родился я, Марья Ивановна, в Москве в жаркое лето одна тысяча девятьсот...»